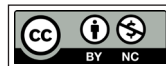

Научная статья
УДК 347.1

EDN: YDJVKU

Статья опубликована на условиях лицензии
Creative Commons Attribution 4.0
International License

К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ ЦИФРОВЫХ ПРАВ

Наталья Владимировна ПЕРЕПЁЛКИНА¹

Павел Евгеньевич ПЕРЕПЁЛКИН²

¹ Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС
Саратов, Россия
nperepelkina@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2212-8457>

² ООО Группа Компаний «Русагро»
Саратов, Россия
pashaperepelkin@gmail.com

Аннотация. Актуальность заявленной тематики определяется отсутствием четкого доктринального понимания сути цифровых прав, а следовательно, их дефиниции и реализации с точки зрения возможности практического применения с учетом современных реалий и трансформации гражданских правоотношений, в том числе цифровых.

Цель работы – анализ сущности цифровых прав и выявление перспективы их доктринального осмысления в системе объектов гражданских прав. Применяется диалектический и иные общенаучные и частнонаучные методы познания.

При исследовании норм отечественного законодательства, а также позиций ученых – специалистов в отрасли науки гражданского права выявлена необходимость дальнейшего системного анализа понятия цифровых прав и его места в системе объектов гражданских прав.

Обсуждение проблемы свидетельствует о насущной потребности определения места цифровых прав, их объектов и признаков в системе доктринального толкования гражданского права и объектов гражданских прав с целью совершенствования российского законодательства с позиций защиты прав и свобод человека.

В заключении резюмируется необходимость нормативного закрепления в законодательных актах юридических дефиниций цифровых прав и таких базовых правовых категорий, как цифровая система, цифровой документ и цифровой продукт, что будет способствовать обеспечению доступности правосудия и созданию гарантий реализации механизмов защиты прав, свобод и охраняемых законом интересов субъектов гражданско-правовых отношений.

Ключевые слова: цифровые права; имущественные права; объекты гражданских прав, регулирование цифровой среды.

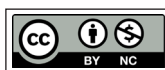
Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Для цитирования: Перепёлкина Н.В., Перепёлкин П.Е. К вопросу о юридической сущности цифровых прав // Вестник Поволжского института управления. 2025. Т. 25, № 3. С. 112–120. EDN:YDJVKU

© Перепёлкина Н.В., Перепёлкин П.Е., 2025

Original article

This work is licensed under a
Creative Commons Attribution 4.0
International License

ON THE ISSUE OF THE LEGAL NATURE OF DIGITAL RIGHTS

Natalia V. PEREPELKINA¹

Pavel E. PEREPELKIN²

¹ Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, Branch of RANEP
Saratov, Russia
nperepelkina@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2212-8457>

² Rusagro Group of Companies LLC
Saratov, Russia
pashaperepelkin@gmail.com

Abstract. The relevance of the stated topic is determined by the lack of a clear doctrinal understanding of the essence of digital rights and consequently, their definition and implementation in terms of the possibility of practical application, taking into account modern realities and transformation of civil law relations including digital ones. The purpose of the work is to analyze the essence of digital rights and identify the prospects for their doctrinal understanding in the system of objects of civil rights. The dialectical method of cognition is used along with other general scientific and private scientific methods.

As a result of the research into the norms of domestic legislation, as well as the positions of scientists-specialists in the field of science of civil law, the need for further systematic research of the concept of digital rights and its place in the system of objects of civil rights is identified.

The discussion of the problem indicates the urgent need to determine the place of digital rights, their objects and features in the systems of doctrinal interpretation of civil law and objects of civil rights in order to improve Russian legislation from the perspective of protection of human rights and freedoms.

In conclusion, the necessity of normative consolidation in legislative acts of legal definitions of digital rights and such basic legal categories as digital system, digital document and digital product, which will contribute to ensuring the accessibility of justice and creating guarantees for the implementation of mechanisms to protect the rights, freedoms and legally protected interests of subjects of civil-law relations, is emphasized.

Keywords: digital rights, property rights, objects of civil rights, regulation of the digital environment.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Contribution of the authors: all authors have made equivalent contributions to the publication.

For citation: Perepelkina N.V., Perepelkin P.E. On the Issue of the Legal Nature of Digital Rights // The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration. 2025. Vol. 25, № 3. P. 112–120. EDN:YDJVKU

Введение. Активное внедрение цифровых технологий в общественные и правовые отношения оказывает влияние на развитие и законодательства, и науки, и практики. Это связано прежде всего с принятием новых норм — ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (ГК РФ) (введена в ГК РФ Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ), Федерального закона от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2], Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3]. К тому же цифровые права как новый объект гражданского оборота пока не занимают устойчивого места и в составе гражданских правоотношений, и в системе традиционной правовой доктрины в целом. Соответственно, на практике возникает множество вопросов, не имеющих принципиального правового решения — например, как определить момент перехода права собственности и оценки цифровых активов для целей налогообложения.

Протоколом от 24 декабря 2018 № 16 президиум Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам утвердил Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [4], в котором закреплена структура национального проекта, включающая развитие различных федеральных проектов, в том числе федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды».

Во исполнение указанного федерального проекта Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» с 1 октября 2019 г. по ст. 128 ГК РФ к объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага.

Следовательно, к иному имуществу следует относить и цифровые права — относительно новую категорию российского гражданского права.

Результаты исследования. ГК РФ выделяет цифровые права в самостоятельный объект гражданских прав. «По буквальному смыслу закона цифровые права не относятся к вещам, а в классификации субъективных прав они занимают самостоятельное место наряду с извест-

ными гражданскому обороту вещными, обязательственными, исключительными правами» [5, с. 69].

В настоящее время возникают дискуссии о том, являются ли цифровые права особым видом гражданских прав [6].

Виды объектов гражданских прав и в гражданском обороте, и в системе права в целом обычно классифицируются на телесные и бестелесные. Если различные вопросы правового режима телесных объектов достаточно глубоко проработаны во множестве научных трудов, то бестелесные объекты еще нуждаются в дополнительном изучении «общих норм по регулированию невещественных объектов» [7].

Ж.Ю. Юзефович и В.Е. Хазова предлагают проводить дифференциацию между цифровыми правами и их объектами, определяя последние как нематериальные сущности, формируемые посредством применения цифровых технологий и существующие в виде цифровых кодов, записей и иных охраноспособных элементов, легитимизируемых законодательно либо через соглашения участников цифровых отношений. В современном контексте к таким объектам относят следующее: токенизированные активы и криптовалюты; «цифровые двойники» (математические модели, воспроизводящие процессы физической реальности); технологические онлайн-платформы (включая агрегаторные сервисы); облачные вычисления (дистанционные компьютерные ресурсы); криптографические хранилища (электронные кошельки); цифровые биржи, а также иные аналогичные технологически опосредованные формы. Подчеркивается, что данные категории объединяет их нематериальная природа, зависимость от цифровой инфраструктуры и правовая релевантность, определяемая как нормативными актами, так и договорными практиками субъектов. [8].

В научной литературе предлагается отнести цифровые объекты к самостоятельной категории из-за ряда их отличительных признаков, к которым относят нематериальность цифровых объектов, участие в их создании информационных технологий, возможность совершения сделок с цифровыми объектами только в информационной системе или в сети «Интернет» [9, с. 251]. Констатируется, что указанные цифровые объекты не вовлечены напрямую в гражданско-правовой оборот в отличие от производных цифровых прав на них, которые подлежат признанию и фиксации (удостоверению) в цифровых реестрах посредством цифровых записей (кодированных данных) [10, с. 538]. Каково же будет практическое значение такого разделения?

Отметим, что в законопроекте № 42463-7 статья была изложена в несколько ином виде: «В случаях, предусмотренных законом, *права*

на объекты гражданских прав, за исключением нематериальных благ, могут быть удостоверены совокупностью электронных данных (цифровым кодом или обозначением), существующей в информационной системе, отвечающей установленным законом признакам децентрализованной информационной системы, при условии, что информационные технологии и технические средства этой информационной системы обеспечивают лицу, имеющему уникальный доступ к этому цифровому коду или обозначению, возможность в любой момент ознакомиться с описанием соответствующего объекта гражданских прав. Указанные цифровой код или обозначение признаются цифровым правом» [11]. Следовательно, в рамках предшествующих концептуальных подходов под цифровым правом предлагалась его трактовка как юридически значимого цифрового кода, содержащего в структурированной форме сведения об объекте гражданско-правового регулирования.

Кроме новой редакции ст. 128, ГК РФ пополнился статьей 141.1 «Цифровые права», в соответствии с которой «1. Цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу.

2. Если иное не предусмотрено законом, обладателем цифрового права признается лицо, которое в соответствии с правилами информационной системы имеет возможность распоряжаться этим правом. В случаях и по основаниям, которые предусмотрены законом, обладателем цифрового права признается иное лицо.

3. Переход цифрового права на основании сделки не требует согласия лица, обязанного по такому цифровому праву».

Таким образом, в настоящее время цифровые права в России определяются следующим образом:

это имущественные права, иное имущество (ст. 128 ГК РФ);

они должны быть поименованы в качестве таковых в федеральном законе;

должны соответствовать определенным признакам, указанным в ст. 141.1 ГК РФ: их содержание и условия существования должны определяться по правилам информационной системы; их осуществление и распоряжение ими возможны лишь в информационной системе без обращения к третьему лицу;

обладателем цифрового права ГК РФ презюмируется лицо, имеющее физическую возможность распоряжаться им (аналогично наличным денежным средствам и другим ценным бумагам на предъявителя). Имеется и иное: Федеральный закон может указывать на другое лицо в качестве обладателя цифрового права (поясняя случаи и основания этого).

В доктринальных источниках критикуется ограниченность дефиниции анализируемого термина [6], что представляется обоснованным: к цифровым правам правомерно относить исключительно объекты, обозначенные таковыми в нормативных актах; их сущностные характеристики (содержание, условия существования, основания возникновения и прекращения) императивно регламентируются алгоритмами функционирования информационной системы, а реализация и распоряжение допустимы исключительно в пределах ее технологической инфраструктуры. Указанные императивы, по оценке ряда исследователей, относят цифровые права к объектам гражданских прав с ограниченной оборотоспособностью, требующих специального правового режима [6].

В соответствии со ст. 129 ГК РФ законом или в установленном законом порядке могут быть введены ограничения оборотоспособности объектов гражданских прав, в частности, предусматриваются виды объектов гражданских прав, принадлежащие лишь определенным участникам оборота либо совершение сделок, которые допускаются по специальному разрешению.

Существование цифрового права связано с информационной системой (возможность осуществлять, распоряжаться либо ограничить распоряжение цифровым правом исключительно в информационной системе, не обращаясь к третьему лицу). С.В. Сарбаш поднимает дискуссионный вопрос о правовой природе прав, фиксируемых в информационных системах: если субъекты гражданских правоотношений вправе реализовывать свои интересы как через цифровые платформы, так и вне их, то критерии квалификации самого права как «оформленного цифровым способом» становятся размытыми. В качестве иллюстрации ученый приводит пример договора банковского счета, где у клиента для осуществления своих прав существует возможность выбора — использование банковского приложения или физическое посещение офиса.

С.В. Сарбаш задается вопросом: сохраняется ли цифровая сущность права при физическом взаимодействии, если персональные данные и реквизиты счета изначально существуют в цифровом реестре, а идентификация в отделении банка требует лишь предъявления паспорта?

Данный пример влечет за собой размышления о законодательном ограничении возможностей субъектов (например, запрет на определенные операции вне цифровых систем), поскольку это может противоречить фактическому сохранению цифровой природы объекта права в зависимости от способа взаимодействия.

Тем самым ставится под сомнение смысловая точность законодательных формулировок, в которых либо не учитывается дуализм реализации прав, либо содержатся скрытые цели регулятора, не прописанные в тексте закона. Следовательно, в настоящее время представляется актуальным не только определение понятийного аппарата цифрового права, но и его уточнение в контексте тесной взаимосвязи цифрового права с технологическими протоколами и классическими цивилистическими конструкциями [12].

Вместе с тем в научной литературе встречаются утверждения, отрицающие тезис о внутренней противоречивости анализируемой дефиниции (понятия цифрового права), указанное ограничение трактуется как неотъемлемый и естественный квалифицирующий признак цифровых прав, обеспечивающий их дифференциацию от иных объектов гражданско-правового регулирования. В частности, Б.М. Гонгало и Л.А. Новоселова, аргументируя данную позицию, обращают внимание на особую систему учета прав — «отсутствие посредника, обеспечивающего передачу прав и отвечающего за правильность учетных данных в их статистике и динамике» [12, с. 188].

А.В. Семенов акцентирует внимание на выделении правомочия распоряжения при реализации цифрового права, подчеркивая, что его содержательные параметры и условия реализации должны существовать и осуществляться в рамках информационной системы, что предполагает доктринальное смещение в позиции законодателя относительно соотношения классической триады права собственности: если ранее нормативная конструкция осуществления права традиционно охватывала и возможность распоряжения им, то современный подход предполагает их концептуальное разграничение. Автор относит это к естественному процессу развития права, где алгоритмизация правил функционирования цифровых прав требует пересмотра классических цивилистических моделей, с включением в них элементов, обусловленных спецификой существования цифровых отношений. Таким образом, распоряжение преобразуется из внутреннего компонента осуществления права в автономный правовой режим, регулируемый преимущественно технико-юридическими стандартами цифровой среды [12].

А.В. Нестеров справедливо отмечает, что на начальной стадии нормативного оформления частноправовых отношений в цифровом про-

странстве сохраняется неопределенность ключевых правовых категорий «цифровая система», «цифровой документ», «цифровой продукт», остающихся лишенными легальной дефинитивной определенности [13].

Заключение. Проведенное исследование подтверждает актуальность изучения цифровых прав в условиях стремительной цифровизации общественных отношений. Активное внедрение технологий блокчейна, смарт-контрактов и цифровых активов трансформирует традиционные гражданско-правовые институты, что требует их адаптации к новым реалиям. Несмотря на попытки законодателя закрепить цифровые права в системе объектов гражданских прав (ст. 128, 141.1 ГК РФ), их правовая природа, классификация и механизмы реализации остаются дискуссионными как в доктрине, так и в правоприменительной практике.

Целью дальнейших исследований может стать анализ взаимодействия цифровых прав с другими институтами гражданского права (например, наследственным правом, исполнительным производством), а также разработка межотраслевых подходов, объединяющих гражданско-правовые, информационные и технологические аспекты. Глубокая доктринальная проработка и своевременная законодательная модернизация способны создать устойчивую правовую основу для цифровой экономики с обеспечением принципов справедливости, правовой определенности и защиты публичных интересов.

Список источников

1. О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ // СЗ РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.
2. О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 2 авг. 2019 г. № 259-ФЗ (в ред. от 8 авг. 2024 г.) // СЗ РФ. 2019. № 31. Ст. 4418.
3. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (в ред. от 25 окт. 2024 г.) // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.
4. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24 дек. 2018 г. № 16) (документ опубликован не был).
5. Кресс В.В. Цифровые права как объекты гражданских прав: правовое регулирование и перспективы развития в условиях цифровизации гражданского оборота // Журнал российского права. 2022. № 4. С. 67–76. DOI: 10.12737/jrl.2022.041. EDN: PSMFFB.
6. Мограбян А.С. Цифровые права как объекты гражданских прав в России // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 10. С. 141–147. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.143.10.141-147. EDN: AJSNPF.

7. Щелокова А.А., Яковлев В.И. Перспективы развития общего учения об объектах гражданских прав в условиях цифровизации // Юрист. 2022. № 8. С. 50–53. DOI: 10.18572/1812-3929-2022-8-50-53. EDN: UZFTVB.
8. Юзефович Ж.Ю., Хазова В.Е. Цифровые права как объекты гражданских прав // Гражданское право. 2022. № 5. С. 15–18. DOI: 10.18572/2070-2140-2022-5-15-18. EDN: OQJLWM.
9. Кириллова Е.А., Зульфагарзаде Т.Э., Метелев С.Е. Институт цифровых прав в гражданском праве России // Правоприменение. 2022. Т. 6, № 1. С. 245–256. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(1).245-256. EDN: VRONYC.
10. Тихомиров Ю.А., Нанба С.Н. Роботизация: динамика правового регулирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т. 11, № 3. С. 532–549. DOI: 10.21638/spbu14.2020.301. EDN: MSUENN.
11. Проект Федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» (в ред., принятой ГД ФС РФ в первом чтении 22 мая 2018 г.).
12. Цифровые права как новый объект гражданского права / Л.А. Новоселова, А.В. Габов, А.И. Савельев [и др.] // Закон. 2019. № 5. С. 31–54. EDN: ZPOQLZ.
13. Нестеров А.В. О цифровых правах и объектах цифровых прав // Право и цифровая экономика. 2020. № 1 (07). С. 11–16. DOI: 10.17803/2618-8198.2020.07.1.011-016. EDN: BGMETD.

Сведения об авторах

ПЕРЕПЕЛКИНА

Наталья Владимировна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права
и процесса Поволжского института
управления имени П.А. Столыпина –
филиала РАНХиГС, Саратов, Россия
nperepelkina@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2212-8457>

ПЕРЕПЕЛКИН Павел Евгеньевич,
юрист ООО Группа Компаний «Русагро»
Саратов, Россия
pashaperepelkin@gmail.com

Статья поступила в редакцию
10.04.2025

Одобрена после рецензирования
12.05.2025

Принята к публикации
20.05.2025

The author

Natalia.V. PEREPELKINA,
Candidate of Sciences (Law),
Docent at Civil Law and Procedurethe
Department, Povolzhsky Institute of
Management named after P.A. Stolypin,
Branch of RANEPa
Saratov, Russia
nperepelkina@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-2212-8457>

Pavel. E. PEREPELKIN,
Lawyer, Rusagro Group of Companies
Saratov, Russia
pashaperepelkin@gmail.com

The article was submitted
10.04.2025

Approved after reviewing
12.05.2025

Accepted for publication
20.05.2025